

Хэльвард - давно не слышал своё имя. Последние тридцать зим его звали не иначе как ведущим или "говорящим с предками". Прошло то время, когда кто-то кроме старого Жреца помнил его имя. Пятьдесят зим назад, его отца охотника растерзал медведь, но не успела семья оправиться от потрясения, как убили и мать. Они бы отправились, Хэльварду уже тогда было двенадцать зим и ещё три, и его бы признали взрослым мужчиной, но не повезло, на них наткнулись Эльфы. Мерзкие древолюбы съели его мать. До сих пор он хранил в сердце эту ненависть, до сих пор ему снилось проклятое лицо, испачканное родной кровью. Лицо проклятое и нечеловечески красивое. Эльф улыбался и с некоторым омерзением древолюб бросил ему под ноги кинжал матери.

- Хочешь отомстить? Давай! Сразись со мной! - Наблюдая за эльфом, в предвкушении сжимающим свой обманчиво хрупкий деревянный клинок, Хэвальвард вдруг понял, что нож брать не в коем случае нельзя. Твари не напрягаясь выбьют из его рук кинжал, а после сожрут живьём как его мать, но они сделают этого, если он не будет сражаться, потому что тварям нужен ПОВОД.

- Что же ты? Боишься? Разве люди Севера трусы? А... Так ты понял. - Мальчика затрясло, когда убийца его матери склонился над его ухом и прошептал.

- Ты не воин, а лишь маленький мышонок. Трусливый маленький мышонок, что не может даже попытаться... - Мальчик старался не слушать, но от тела эльфа слышался запах луговых цветов. Запах, от которого после его стало тошнить.

- Не бойся, мы не едим ТРУСОВ. - Последнее слово больно обжигало сердце, но Хэвальвард терпел, стиснув зубы это унижение. Терпел когда эльф обманчиво беспечно повернулся к нему спиной. Всего-то нужно схватить нож, и вонзить его туда, неприкрытое деревянными доспехами тело. Один рывок и у него будет шанс отомстить. Но Хэвальвард терпел, давил в себе это желание, поскольку в тот день он понял - эльфы насквозь лживые твари.

Когда твари ушли, он наконец поднял нож матери. И с ужасом взглянул на то, что от неё осталось. Хэвальварда вырвало. Эльфам не было нужды творить подобные зверства. Редко было слышно, чтобы проклятые древолюбы лишней раз покидали свои чащи, но им нравилось подобное делать. Это можно понять, глядя на то, с каким наслаждением они ели человечину и по весёлому смеху этих сволочей, когда они обматывали дерево кишками очередной жертвы.

Мать следовало бы снять с дерева, но сперва мальчик решил найти сестру. И он нашёл её, избитую и поруганную, заколотую её же кинжалом невинности. Найти убийцу оказалось на

удивление просто, и той же ночь мерзкий трэлл отправился к предкам, подавившись собственными гениталиями. Только вот на душе осталась лишь пустота.

Возможно благодаря этой пустоте, Хэвальвард понял что он нужен не тут, а где-то ещё. Предав огню останки своей семьи, он пошёл дальше на север, туда откуда чувствовал зов или что-то ему подобное.

Было непросто, но спустя пять лет, уже не мальчик, а молодой мужчина добрался до места, которое его ЗВАЛО.

Неподалеку было стояла мелкая деревенька охотников, где Хэвальвард и поселился, чтобы уже скоро найти то, на чей зов он явился. И он нашёл, руины столь древние, что узнать про них можно лишь из старых преданий. И в этих руинах, спало то, что с радостью даст силу, если ты готов заплатить.

Он заплатил, пролив часть своей крови на алтарь, и голоса, что были слышны лишь в пустоте, стали яснее. Они учили, делились силой, но за все это просили плату кровью.

Эти голоса проникали в самую душу, подобно трупным червям вгрызались в плоть, пожирали саму суть и отрыгивали её обратно, творя из Хэвальварда что-то иное. Духи забрали его зубы и теперь на их место у него были мерзкие гнилые пеньки, которые будут с ним до конца его дней, даже если их все выбить, со временем они вырастут вновь. Это цена за возможность накладывать мелкие проклятия своим голосом. Духи забрали его осязание, и теперь он никогда не почувствует ни радость объятий, ни тепло любимого человека, ни порыв ветра зато он чувствует присутствие духов. Хозяева голосов сгноили и выплюнули его кости, теперь каждый день, Гниль поселившаяся внутри их причиняет ему ужасную боль, из-за которой он регулярно стонет по ночам, но в обмен духи дали ему власть над мертвыми телами и понимание, как заставить их двигаться, как наполнить их жаждущими тела духами и вдохнуть некоторое подобие жизни. Духи предлагали многое, но просили не меньше.

Но даже полученные силы нужно было кормить. Кровью скотины, или кровью людской. Последнее было удобной возможностью избавляться от уродов, но не всегда голоса соглашались на такую цену, временами им хотелось чего-то особенного: жизнь девственницы, жизнь вдовы, жизнь просто красивой девушки... И платить эту цену, тяжкое бремя, но Хэвальвард платил, надеясь, что жертвы этих невинных душ не будут напрасны, как жертва его матери.

А потом мерзкая ночная тварь проникла в его дом и украла ребенка. Хэвальвард лично преследовал тварь, даже нашёл целое их сборище, но ничего не смог сделать. Он не был слаб, его окружали его помощники, но твари владели своей мерзкой магией и целой кучей грязных трюков. Твари ушли, оставив старого слугу духов ни с чем. С тяжёлым сердцем он вернулся назад.

- Хэвальвард, мой сын? - Первым со жрецом заговорил взволнованный мужчина, каштановые волосы и борода которого находились в беспорядке. Он обеспокоенно сжимал грубую ткань своей засаленной серой рубахи.

- Я не смог их поймать, Облауд. Но твой сын пока жив. Его волосы и кровь, всё ещё в храме, под присмотром духов. Мы принесём щедрые жертвы и найдём твоего мальчика. И как бы то ни было, мы отомстим.

- Мне нужен мой сын Хэвальвард! Сын, ты понимаешь?! Я лучше бы тварь забрала моих дочерей, их все равно много, почему мой сын?! - Мужчина сорвался на крик из-за чего стало заметно отсутствие у него во рту некоторых зубов. Брызги слюны летели в разные стороны, и казалось ещё немного и мужчина захрипит. Хэвальвард молчал, он понимал этого человека как никто другой.

- Облауд. На всё воля духов. Я попрошу их помочь, но ты же знаешь, духам нужна Плата.

- Бери любую мою дочь, мне нужно вернуть сына. Девочек не жалко.

- Предки не просили чего-то конкретного. Выбирай любую дочь, которой готов пожертвовать. Мы найдем твою кровь.

Когда мужчина покинул обитель духов, жрец уединился в своём храме. Чужая жертва подождёт, а пока он должен принести свою. Хэвальвард позвал духов этого места и они явились на зов. А после, старик с силой сжал свои грязные пальцы и надавил на собственные глаза. Это больно, это жуть как страшно, но под взглядом духов, старый жрец начал выскрести свои глаза. Кровавые ошметки вперемешку с гноем с звонки шлепками падали на пол. Жрец собственными руками только что лишил себя зрения, но не останавливался, выскребая остатки собственных глаз, а между тем из глазниц обильно струился едкий гной,

разъедающий даже кожу. Раньше ему бы не нашлось места, но сейчас это мерзость рождалась в глазницах старика наполняя храм застарелым смрадом.

- Плата принята. - Хэвальвард поклонился голосам, а после его голову пронзила жгучая боль. Из его Арта вырвался вопль полный боли, что всё же через некоторое время стих. Старик поднялся. Он больше никогда не будет видеть как прежде, зато станет видеть иначе.

Хэвальвард улыбнулся, теперь он хоть и слеп, но видит то, что не видели его смертные глаза. Теперь он видит больше.

- Отныне имя Хэвальвард мне не подходит. Отныне я - Человек-Лось. И ни одна мерзкая ночная тварь не скроется от моих мертвых глаз. - Хэвальвард засмеялся, только сейчас его смех тоже изменился, неслышимый для ушей смертных он разносился на многие дни пути вокруг, пугая мелких духов и словно подтверждая права Человека-Лося на его территорию.

<http://tl.rulate.ru/book/65744/1833948>